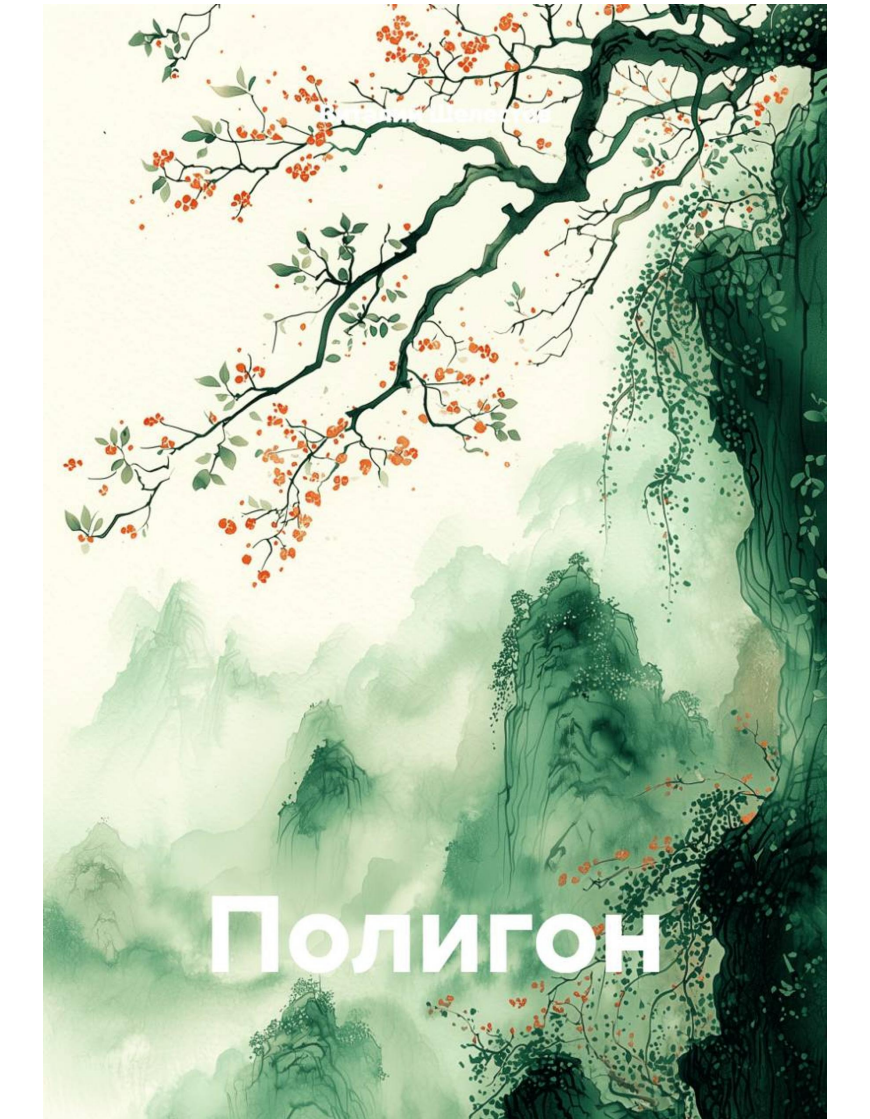

Полигон

Виталий Шелестов

Полигон

<https://litres.ru/74636259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о малоимущих и бездомных, в борьбе за существование вынужденных идти на любые меры.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Полигон

Глава 1

Кто затыкает ухо своё от вопля бедного, тот и сам будет вопить — и не будет услышан.

Ветхий Завет

Поэт нашёл на самом Пятаке приёмник. Настоящий, транзисторный, в самом что ни на есть рабочем состоянии. Правда, здесь подключать его было всё равно некуда, но если до-
стать к нему батарейки — пахал бы как бульдозер Васьки Колчанова. Так авторитетно разъяснил всем Хрящ, — а уж этот филонить не станет, не того пошиба человеке. Сам Хрящ известен далеко за пределами Полигона как мужик дельный и толковый; ведь недаром Егорыч время от времени приглашает его в свой кабинет раздавить сообща «фауста». А уж Егорыч-то в людях толк знает — и войну и тюрьму прошел. Войну ту, правда, и войной назвать трудно: загрузили мужиков в трюмы и с неделю там парили, пока танкер-сухогруз не причалил у кубинского берега. Было это годков сорок назад, во времена Карибского кризиса. Воевать не воевали, зато нервишки друг дружке на пару с Америкой порядком обскоблили. И ту неделю, что промариновался Егорыч в утро-

бе сухогруза, запомнил доблестный ефрейтор на всю оставшуюся житуху. Сидели, говорит, безвылазно, всех трюмных крыс со скуки передушили. Три раза в сутки опускали сверху и подымали назад пищевые котлы – как для прямого, так и для обратного назначения: опустошив один, тут же в порядке очереди усаживались на другой с противоположных краёв (для равновесия) и, как говорится, «заткните уши...» Под конец уже не хотелось ни того, ни другого...

Такая вот война человеку досталась. А тюрьма – это уж и вовсе хохма. Правда, Егорычу не до смеху было, когда очутился после пьянки и увидел, что лежит не в постели с любимой, а на деревянных нарах в подвале опорняка. Голые стены и синие рожи вокруг. Ты, говорят, в ресторане официанту башку стойкой от микрофона проломил, когда тот козлом тебя прозвал. Это за то, что на кухню рвался: хотел показать, как гуляш по-венгерски правильно готовится... Рана от стойки оказалась не опасная, однако годик Егорычу всё ж таки пришлось на «химии» от звонка до звонка тарабанить. Зато вышел оттуда с душой чистой и просветлённой, чисто храм посетил. Вот бы всем так...

Но речь сейчас пока не о нём, Егорыче. Итак, Поэт приволок с Пятака почти новый транзисторный приемник. «ВЭФом» называется. «Почти новый» – это значит, примерно 20-летней выдержки, еще при Союзе делался. Здесь, на Полигоне, свои критерии при оценке вещей, потому как условия не те, что простым смертным доступно. И если го-

воят, что «новняк» — значит, лет десять вещице, не меньше. Отсчёт времени, стало быть, здесь другой, с некоторым опозданием. Как говорит Третьяк, «топать в ногу с прогрессом у нас не принято — подмётки отлетают».

Хрящ своим острым глазом и чутьем с ходу определил, что приёмничек еще сослужит добрую службу, и не раз. Разве что шнура, чтоб к розетке пристроить, не нашлось. Но ведь полигонщикам это без надобности: ближайшая розетка — в каморке у Егорыча, и та постоянно при деле: то харч на электроплитке сварганить, то холодильник подморозить, то самому послушать, чего в мире делается... Короче, бесполезно. Да и спускаться каждый раз вниз, к «порталу» (так здесь называлась хоззона в виде кирпичного зданища и прилегающая к нему небольшая площадка для стоянки техники), не будешь. И потому ученый Хрящ внедрил рацуху: прикрутить к корпусу «ВЭФа» пару батареек, которые, в свою очередь, подпитку будут иметь от найденного здесь же старого аккумулятора. Третьяк, правда, согнулся пополам от такой технологии: то же самое, говорит, что греться от лампочки: свет вроде бы имеется, а теплыни — что у блохи требухи. На что Таиска резонно отреагировала: закатала Васютке такую «фистулу», что тот ретировался поджавши хвост. Таиска вообще молодец: кого надо — поддержит, у кого проблемы с головой — подлечит, кто приборзеет — ее кровный враг (чаще всего на короткое время, полигонщики народец, в общем-то, дружный). А вот если кому-то кураж потянет выка-

зять, Тайкины сонаты и оратории на тему дружбы народов могут показаться похлеще кавалерийской атаки.

С неделю Хрящ никого к своей системе за сто метров не подпускал: чего-то подкручивал, наматывал, вырезал, прибивал... Третьяк, проходя мимо, крутил пальцем у виска. сбрендил мужичок, дескать, на «долгосрочный курорт» пора путевку выдавать. Его, однако, никто не поддержал. Видать, крепко уверовали в хрящевский гений. Поэт даже харч мастеру в «бунгало» приносил, чего порой и в отношении своей персоны не утруждался, на то он и Поэт... И вот настал торжественный час: в один солнечный вечерок на весь Полигон рассыпались дивные звуки какого-то заморского инструмента – не то гавайской гитары, не то ковбойского банджа (знатоков по этой части здесь сродни не водилось). Даже Егорыч приковылял поглазеть на чудо: уж больно непривычно было слышать музыку, да еще заморскую, в этих краях. Хрящ сидел, покуривая, у своего «бунгало» и делал вид, будто не радио сюда провел, а клопа раздавил – мол, тоже мне событие, было бы из-за чего мандраж подымать... Тайка еще хохотнула тогда:

— Глянь-к, народ, скромнягу из себя выпиливает! Ты, Ломоносов, не кобенься, а тащи пляшку из своих рундуков. А то не знаем, что спецом приберёг для такого дела...

Радиогений для виду еще пару раз затянулся чинариком, небрежно сплюнул у своего порога и как бы нехотя, всем видом показывая, насколько ему этого не хочется, однако су-

против большинства не попрешь, выволоч из «бунгало» бутылку самогонки – по виду вроде назаровского, не «чумового» разлива. У всех полигонщиков, даже у бабки Микитишны, на сей счет нюх особый...

— Ай-ай-ай, какие же мы выпендрёжистые, ет-ти твою!.. — продолжала забавляться Тайка. — Твои zenки, милай, тебя со всеми потрохами-то выдают. Они как у волчары горят, когда тот мясо чует. Так что давай не строй из себя малохольного, ты не в детской поликлинике.

— А может я утомился... морально... — попытался для порядка огрызнуться Хрящ, поскольку уступать бабе было не в его натуре.

Тут уж все полегли со смеху, даже Поэт умилился взором и зашевелил бородкой, что было для него признаком благодушного настроения.

— Утомленные со-онце-ем... — завел Третьяк, содрогаюсь от давившего его смеха. Егорыч первым успокоился и подозвал к себе Митюху.

— Давай к хуторянам, одна нога здесь, другая – уже здесь... — И сунул ему за пазуху пару банкнотин. — Да и про курево не забудь.

— Ясно...

Митюха парень исполнительный, два раза ему наказывать не нужно. Развернулся и бодрым спортивным шагом, перемахивая через рытвины и мусорные кочки, двинул в ближайший населенный пункт согласно инструкции. Тайка покача-

ла головой:

— Мужикам хоть под пулемет, лишь бы с ног валило. Закусь без надобности, брюхо винищем заполоним, так, что ли?

— Закусь – это уже по бабской части, — заметил Хрящ. — Во все времена и эпохи.

— Гляди-тко ты, расфилософствовался наш Эйнштейчик! – не осталась в долгу Таиска. – Ну конечно, когда ж нам время-то харчами заниматься, ежели наука все силёнки отымает. Вон истощал-то как, небось, провода жевал все эти дни... Ладно уж, откормлю профессуру, а то некому будет после двигателем прогресса быть – самого придется изучать. Под микроскопом.

Все знали, что у Тайки имеется постоянная заначка: то банка маринованных огурцов, то консервы в томате, то шма-ток сала в станиолевой обертке. Специально для торжественных случаев в загашниках приберегает. И бражонка, в основном из назаровских яблок, где-то всё время настаивается. Уж кто только эти загашники не разнюхивал тайком от хозяйки; дело такое же пустое, как добывание на Полигоне нефти. А вообще-то Тайка баба хозяйственная, без нее Полигон давно бы захирел. У всех остальных, кроме разве что бабки Микитишны, как правило, мозги работают только в одном направлении...

— Во-во, Хрящу как никому другому подхарчиться надо, — поддержал Таисию Егорыч. – Ты, Кузьминишна, мерку-

ешь правильно: над этими обалдуями, как над детьми, бабий контроль нужен. А то неровен час в лешаков оборотятся.

— Типун тебе на язык, — отмахнулась Кузьминишна, направляясь к своему жилищу. — Принес бы сам чего, раз гонцов повсюду рассылаешь. Моих припасов на такую ораву не хватит. А то ведь рукавом занюхивать — силёнок потом не хватит дрова в поленницу складывать.

Все поняли, что она имела в виду, и снова, каждый по-своему изобразили смех.

— Ладно, — подмигнул Егорыч Хрящу. — Чего-нибудь сообразим на скорую руку... Только слышь... — обернулся он напоследок. — Ты матюгальник-то свой не шибко громко запускай, а то как бы лишний кто не обратил внимания. Хуторяне уже предупреждали...

Глава 2

Чайка – птица если не морская, то уж водяная, это точно. Спокон веков питалась от морей, рек и озёр, охотясь за рыбой, но при этом не брезгуя и другими мелкими обитателями водоемов разной величины. И ассоциировалась она всегда только с водой. В старину считалось, что в этих птицах живут души погибших моряков. Их умение парить навстречу ветрам, изящно при этом балансируя с помощью своих длинных и узких крыльев, воспевалось бардами и поэтами. Одним словом, существо, казалось бы, благородное и возвышенное в своих повадках.

Те, кому довелось бывать на Полигоне, мнение своё об этих пернатых имеют уже обратное. Удивительным образом чайкам удалось не только вытеснить из здешних мест их коренных обитателей – ворон, но и утвердиться там всерьёз и надолго. Экспансия Полигона произошла как-то незаметно для человеческого глаза. И первым обратил на это внимание наблюдательный Болт; после того, как чайки за ночь раздолбали весь его улов, вывешенный накануне для просушки, все разом поняли, что нормального житья уже не будет. Если вороньё хоть в какой-то степени соблюдало принцип мирного сосуществования (насколько это для них приемлемо) и старалось держаться от людей на расстоянии, то вытеснив-

шие их горластые собратья по воздуху заставили крепко усомниться в древнем поверье. В оболочках этих тварей, казалось, поселились души кровавых демонов, которые жаждали как можно скорее воротиться обратно, чтобы вытравливать из этого мира всё хорошее, что еще могло в нём оставаться...

Вся сила и живучесть этих птиц заключается в их единстве. Налететь скопом куда-либо, разворошить и опустошить, оглушить порой не только криками, но и клювами, после чего рассестись неподалеку и с наглостью оккупантов наблюдать реакцию пострадавших. Никакие силки и самодельные капканы, тем паче трещотки и человечьи пугала не помогали. Колчан однажды притащил дробовик, из которого ему всё же удалось подстрелить несколько тварей, — но только после того, как он израсходовал на эту кампанию две патронные обоймы. Вся петрушка была в том, что уж больно разумными птички оказались — на близкое расстояние не подпускали и почти не сидели на месте. Васька плюнул и сказал, что не собирается толочь воду в ступе. Все приуныли надолго. Ситуация тупиковая, ничего не скажешь. Выручил, как всегда, Хрящ. От кого-то разузнав, что чайки не переносят толевого и рубероидного чада, он приволок с какой-то стройки несколько рулонов этого добра (Колчан, само собой, подсобил с грузовиком и доставкой) и раскопегарил такую завесу, что с Полигона убрались не только чайки, но и «команчеросы». Не насовсем, конечно, однако роздых полигонщикам был несколько дней обеспечен. Пернатые убрались на

свою историческую родину – Навлицкое озеро, что расположено километрах в пятидесяти от города и, естественно, самого Полигона.

Пожалуй, пришло время кое-что разъяснить. «Полигоном» все местные и заезжие (т.е. официально работающие в этом месте) именуют городскую свалку, по-научному – «полигон ТБО (твердых бытовых отходов)». Так разъяснил всем Николай Егорович Подшивалов, просто Егорыч для родных и близких, в том числе соседей. Егорыч здесь, можно сказать, бог и царь, поскольку занимает официальную должность старшего мастера. Все его указания неукоснительно выполняются подчиненными в лице бульдозериста Василия Колчанова и экскаваторщика Роберта Шагаряна, а также с меньшим энтузиазмом – полигонщиками и «команчеросами». Бог и царь Полигона не последняя инстанция в здешней иерархии: над ним стоит Антон Протасевич из городского жилкоммунхоза, время от времени навещающий сюда по служебным делам. Антон еще совсем молодой, студент-заочник, и вроде бы как тоже свой человек, не дёргает по пустякам и на многое глаза закрывает. В частности на то, что Полигон заселяют не только чайки и вороны.

Когда-то на Полигоне обитали только бродячие собаки да галки с упомянутым вороньём. В те времена бродяжничество и тунеядство считались вне закона, и потому кроме работников жилкоммунхоза сюда могли наведываться раз-

ве что ватаги любознательных пацанов в надежде отыскать что-нибудь полезное: старые подшипники, блёсны и вообще рыболовные причиндалы, провода, авто- и радиодетали, словом, всякую утилизированную дрянь, без которой всестороннее развитие личности попросту немыслимо. Однако постепенно контингент промышляющих становился более возрастным. На свалку потянулись люди, для которых обретенная перестроечная свобода оказалась настолько значимой, что сняла с них бремя заботы о семьях, жилье и, пожалуй, о самих себе. Постепенно убеждаясь, что свалка может дать не только возможность как-то прокормиться, но и временный приют без всяких на то материальных претензий со стороны государства, они поняли, насколько выгодно будет для них и обитать по месту промысла. Так возникли на рубеже эпох перестроечной и за ней последующей первые колонии поселенцев из цивилизованных миров (насколько цивилизованными могли быть миры, где всё и вся подминалось в угоду их сильным).

Здесьнее «поселение» ничем особым не отличалось от его аналогов в других местах. Возможно, где-то порядки были жестче, и «колонистов» время от времени разгоняли с насиженных мест не без помощи служб закона; где-то климат был помягче, в более запущенном состоянии, но в целом здешняя свалка могла отвечать почти всем требованиям не особо требовательных свободных граждан... хотя нет, их гражданство ввиду отсутствия прописки и ПМЖ (т.е. постоянного

места жительства) уже как бы становилось неким абстрактным понятием, когда смысловой контекст обретает настолько расплывчатые формы, что делается порой непонятно, как это слово еще вертится у кого-то на языке. В самом деле, назови кто Хряща или Третьяка «гражданином», то можно было бы пронаблюдать, а по возможности испытать на себе и вовсе неожиданную реакцию с их стороны.

Хрящ здесь, на Полигоне, самый, пожалуй, древний старожил. Когда-то он даже числился в официальных работах этого места, да за слишком содержательную беседу с тогдашним начальством (повредил кое-кому из них челюсть в порыве праведного гнева ущемленного в своих правах работника) был изгнан с волчьим билетом из рядов честных тружеников и выслан на «химию» в соседнюю область. Вороватившись год спустя, обнаружил, что место в общежитии строитреста 2, некогда занимаемое им, отныне и присно ему уже не принадлежит. Плюнув на всё, подался колымить по шабашкам, где челюсть своротили уже ему, если не считать отбитых почек и одного уха, которое поимело форму односторонней морской раковины и слышало разве что рёв трактора на расстоянии нескольких метров. Опыт прожитых лет подсказал ему, что кроме как в здешнем «заказнике» его будут отлавливать повсеместно – ввиду отсутствия документов и наличию характерной внешности бродяги-алкаша. И всё-таки, как уже упоминалось, Хрящ свой человек и среди жилкоммунхозников, и в окрестных населенных пунктах: умение от-

ремонтировать почти всё, что имеет отношение к электричеству, даёт ему право иногда быть не только сытым, но и пьяным. Бог и царь Егорыч про него говорят так: «Если б свалка была живым организмом, Хрящ был бы её мозгами и ушами, несмотря на пятидесятипроцентную глухоту». Бульдозерист Васька Колчанов – его лучший друг, если не считать, наверное, Поэта.

Как и когда появился Поэт в здешних краях, не может сказать никто. Это не потому, что он сам по себе может представлять какую-то загадку. Скорее, простота его настолько органична и незыблема, что остаётся загадкой, как она еще может теплиться в этом самом Поэте. Иными словами, отсутствие загадки в нём и есть загадка для окружающих. То есть тех, кто более или менее с ним знаком. Поэтом его прозвали не за склонность к рифмоплётству, а скорее за константную манеру являть себя миру в несколько отрешенном и пропитанном безысходной самоиронией виде; его бесполезность в такой степени очевидна, что никому не приходит в голову задать ему какой-нибудь вопрос или тем паче что-либо разузнать о нём. Такие люди время от времени попадают в различных компаниях, и на них либо не обращают всеобщего внимания, либо держат в качестве ходячего талисмана, без которого вроде бы и можно прожить, разве что будешь ощущать непонятный дискомфорт и смутное беспокойство неизвестно по чему или кому. Так и здесь: если Поэта долго нет, полигонщики начинают не то чтобы трево-

житься всерьёз, а странным образом ощущать за собой нечто смутно-беспокойное, подобно тому, как ощущаешь перемену погоды или душевную занозу по поводу чего-то важного, но внезапно забытого. Поэт не знает и не умеет практически ничего, разве что подсобить морально своим скромным присутствием да изредка брошенным словцом, которое чаще всего и разобрать можно с трудом (голосовые связки, по словам Хряща, «были проданы лукавому за поллитровку, когда с похмелюги горели трубы»). И потому, когда именно Поэт, а никто другой, нашел приемник, это можно было считать таким же чудом, как если бы Полигон зацвел миндалем. Разумеется, после того случая личный статус Поэта значительно возрос, хотя в большей степени тому способствовали протекции со стороны Хряща: желая отблагодарить корешка за проявленную сноровку, тот при любом удобном случае всем напоминал, что без поэтовой находки все продолжали бы «пещерить», аки троглодиты каменных веков. Теперь, стало быть, совсем иная масть – с помощью реанимированного ВЭФа обитатели Полигона реально приобщились к цивилизации: по утрам и вечерам эфирное вещание передает если не всё, что творится в мире, то хотя бы погодную сводку на ближайшие дни (что для полигонщиков вещь важнейшая).

Еще одна весьма колоритная фигура на Полигоне – Третьяк. Нет, он не приходится даже дальним родственником легендарному хоккейному стражу врат, и даже фамилия у

него другая (правда, никто ее здесь и не спрашивал). Просто в течение своей относительно недолгой лагерной житухи – малому всего-то за тридцатник – его так растатуировали, что Таиска, узрев сие в первый раз, даже присела: «Ну чисто Третьяковская галерея!..» Никто не стал уточнять, была ли она там, что с такой уверенностью может сравнить, однако кличку расписному молодцу прилепили тут же. И сам Третьяк ей как будто гордился. Появился он на Полигоне совсем недавно – с полгода назад, и, надо сказать, вписался сюда если не гармонично, то по крайней мере на полных правах и без особых возражений со стороны мирного населения. Оттянувшись после зоны на полную катушку, парняга счел благоразумным временно раствориться, дабы те, кто после гудежа принялся рьяно его разыскивать, со временем это прекратили. Всё это «по секрету всему свету» доложил опять-таки Хрящ, которому Третьяк однажды в порыве дружеского пьяного расположения выболтал часть своей трудовой биографии. Кто и зачем ведет розыски, здесь не стали уточнять; меньше знаешь слаще отдыхаешь. К тому же лишняя пара сильных мужицких рук – для Полигона отнюдь не обуза. Разве что хозяин этих рук подчас не всегда находит им полезное применение. Третьяка здесь не то чтобы бояться, а просто стараютсяшний раз не взбаламучивать его темперамент – такую холерическую смесь лесной гориллы и беззубой кобры. В пылу экстаза малый способен на многое, особенно если подобный экстаз подзаправлен алкоголем. Егорыч пона-

чалу делал попытки унять третьяковскую глотку, однако поняв всю тщетность усилий, махнул рукой: вопи, дескать, Тарзан, хоть чаек попугаешь, какая-то польза будет. Народ здесь и без того бедовый, хуже ему уже не сделаешь...

Обитают на Полигоне и еще два аборигена мужицкогословия. Их «бунгало» расположено на отшибе, у дальнего северного откоса, куда уже давно никакая техника не подъезжает, потому Болта с Митюхой кличут здесь «камчадалами». Эти двое связаны между собой какой-то непонятной дружбой, основанной на общности интересов. Нет-нет, ничего *такого* между ними нет, хоть Третьяк поначалу и делал попытки уличить мужичков в порочной связи. И лишь когда Болт с усмешкой бросил, что, дескать, новоявленный Казанова потому выёживается, что самого на «зоне» отучили нормально ориентироваться, последний не без пластанья на татуированной груди рубахи и штампованных угроз как будто оставил «камчадалов» в покое, хотя порой и высказывался впоследствии по их адресу многообещающе. Его можно в какой-то степени понять: трудно подыскать настолько разных по характеру и внешне людей. Болт примерно ровесник Хрящу, Митюха же на Полигоне самый молодой; первый необщителен и, что называется, себе на уме, второй же наоборот – приветлив и исполнителен, чаще всего у Егорыча на подхвате (особенно если рядом нет самого Болта). Казалось бы, в самый раз сделаться Хрящу с Болтом закадычными корешами, ан нет: схожесть характеров и есть та са-

мая биполярность, что отталкивает однозарядные частицы. Однако это вовсе не значит, что они не терпят друг дружку. Просто Хрящ понимает, что Митюха у Болта вроде как приемный сын; он же ученик, ординарец, правая рука и всё такое. В глубине души и сам бы Хрящ не отказался от такого подручного, да, как говорится, «кому в пляс, кому в глаз, кому мордой в унитаз...» На промысел «камчадалы» выходят редко, потому как имеют некоторый приработок на стороне: браконьерствуют на близлежащих водоемах и часть улова сплавляют заезжим «коопторгашам». Все здесь уважают это их занятие и не суют носов куда не следовало. Кажется, и Егорыч догадывается обо всём, но... не пойман – не вандал. Свои браконьерские причиндалы мужики прячут надежно, а наличие в закромах рыбешки вовсе не означает криминала – сколько уж раз все расхваливали добротную закуску после хорошей чарки! Намекать тут про незаконную добычу – всё равно что спускать с цепи кобеля на своих же овец и кур. Впрочем, едва ли кто-нибудь из полигонщиков хоть когда-то не имел на себе темных делишек...

Вот всё, что касается здешних мужиков. Таисия Кузьминична Аверьянова на Полигоне единственная, кого величают доподлинно, с учетом паспортных данных (здесь имеются в виду не работники жилкоммунхоза, а *проживающие*), хотя сам паспорт, как можно уже догадаться, сгинул в неведомое. То, что с ней, Таисией, приключилось, никто бы и заклято-

му врагу не пожелал. Были когда-то у нее и семья, и отчий дом, и нормальная профессия ветеринара. Только кто мог предположить, что вскорости межполитический конфликт затянет в своё горнило и растопчет, спалит и развеет по ветру всё то, что так долго Таисией Кузьминичной наживалось трудом, душой и сердцем! Южные степи, в которых проживала ее семья, взяли да и запылали чудовищным жаром кровавых междоусобиц, вызванных тупым упрямством и патологической ненавистью генералов, полевых командиров, фанатичных сектантов, самодовольных и заносчивых «детей гор», — словом, всех тех, кто по той или иной причине, а часто и без оных, ввергли эти края в хаос убийств, террора и бесконечных страданий. Вот и Кузьминична пару лет назад лишилась в одночасье дома, семьи и куска хлеба благодаря меткому попаданию из сверхточной ракетной установки какого-то удальца из числа «бравых ультраправых», что развелось такое множество за последние времена. Выяснять, из какого лагеря выпустили эту механизированную гидру, не было у Таисии ни времени, ни средств, ни прочих возможностей, поскольку вокруг полыхало и грохотало с таким остервенением, что оставалось лишь диву даваться, как ей самой-то удалось вырваться из того пекла, да еще в добром здравии и сохраненном рассудке. Обивать чиновничьи пороги и вымаливать у инфраструктуры средства для дальнейшего прожития почудилось Кузьминишне настолько абсурдным и тошнотворным, что собрала она то оставшееся,

что еще можно было собрать, и подалась куда глаза глядят да ноги носят. Как раз в здешних-то краях и можно еще было куда-то глазеть и куда-то ноги переставлять без ущерба собственному здоровью. Разве что могли временно упечь за отсутствие личных документов, из которых у Кузьминишны сохранились только трудовая книжонка да профсоюзный билет, которые здесь нужны были, что корове бюстгальтер. Но зачем-то бережёт – как память о лучших временах или всё ж таки надеется, что они, эти времена, еще могут её не обойти стороной. Поди разберись в закромах чужой души... Объявилась Таисия на свалке почти в одно время с Третьяком, с полгода назад и сразу расположила к себе не только аборигенов, но и душ официальных, так сказать: Егорыча, обоих бульдозеристов и самого «бугра» Антона Протасевича, начальника Полигона и студента-заочника. Антон даже пытался выхлопотать для Таисии что-нибудь по части временной прописки и даже выскреб через исполком временный же уголок с крышей над головой в общежитии стройтреста, однако та не пожелала и слышать об этом. «Мне, голубок, думать тошно, что койко-место отрабатывать придется, будто какой приживалке. Не-е, здесь на Полигончике человеком себя сильнее ощущаешь: ничего никому не должна, поклонны обивать не перед кем... А уж загадывать наперёд разучилась с некоторых пор...» Кузьминишна тут не только сродни сестре-хозяйке, но и лекарь-пекарь-и-аптекарь в одном лице: кого надо – утихомирит, кому надо – подсобит, кого надо –

утешит, подлечит и взбодрит, — в зависимости от характера лечения и недомогания. Ну, а для бабки Микитишны она просто херувим, свалившийся с небес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.